

Выдался редкий погожий день. Цзян Умянь ещё не успел съездить за город, чтобы проверить, как обустроились переселенцы, а его уже утащили на окраину, в алхимическую усадьбу — которую сам он окрестил Научно-исследовательским институтом химической промышленности, — оценивать качество цемента.

Бросив взгляд сначала на серую массу, а затем на унылые лица парочки обжигальщиков, Цзян Умянь окончательно утвердился в мысли: упускать даоса Цзинь Бухуаня нельзя ни в коем случае. Этот человек — ходячий термометр, не иначе!

Сложнее всего в производстве цемента было вовсе не соблюсти пропорции, а выдержать температурный режим. В эпоху, не знавшую измерительных приборов, мастерам приходилось полагаться исключительно на собственный опыт и чутьё. Будет ли замес прочным или рассыплется в прах — всё решал один человек, стоявший у жерла печи.

Уникальность же Цзинь Бухуаня крылась в его многолетней алхимической практике. Ставя опыты над снадобьями, он развил в себе почти сверхъестественное чутьё на тепловой баланс: если можно было обойтись лишней соломинкой, он никогда не подкидывал в топку лишнюю щепку. Даос с поразительной точностью определял температуру на глаз, и погрешность его «измерений» никогда не превышала пары-тройки градусов.

Сам Цзян Умянь спотыкался именно на этом этапе. Он в совершенстве владел теорией процесса, но для практики требовались долгие годы упорного труда, чтобы набить руку. Свободного времени у занятого государственного мужа, разумеется, не водилось, поэтому пришлось привлекать сторонних специалистов.

Привлечённый специалист, впрочем, пребывал в полном недоумении.

Цзинь Бухуань тенью следовал за уездным судьёй. Он наблюдал, как тот сосредоточенно перебирает куски клинкера, известняк и жёлтую глину, а затем, ничуть не раздосадованный неудачей, приседает перед растрескавшейся плитой цемента, бережно ощупывая пальцами застывшую массу.

Молчаливая сосредоточенность Цзян Умяня заставляла присутствующих изрядно нервничать.

Даос аккуратно ткнул локтем советника Линя и покосился на Цзян Умяня, отчаянно подмигивая:

— Твой господин-то доволен или как? Хоть бы слово обронил, а то от этого молчания у меня, старого, аж мороз по коже!

До этого момента у Цзинь Бухуаня сложилось вполне определённое мнение об уездном судье: молчалив, сказочно богат, горазд пускать деньги на ветер и, ко всему прочему, одержим безумными прожеками.

По дороге сюда они разговорились с советником Линем. Обсудили всё — от детских лет Цзян Умяня до его нынешней службы в уезде Шаоюань. Линь уверял, что их господин уездный судья — человек сговорчивый и душевный: с виду холодный, но с горячим сердцем, за правое дело радеет не жалея сил, да и к подчинённым щедр невероятно.

При личном знакомстве холодность ума и щедрость судьи действительно бросались в глаза. А вот «горячее сердце»... Что ж, они знали друг друга слишком мало, чтобы делать выводы.

Хотя, судя по его делам, Линь не лгал.

Но стоило Цзян Умяню замолчать, как даосу начинало казаться, будто он знатно напортачил, а судья просто даёт ему время покаяться. И стоит открыть рот, как с него тут же сдерут три шкуры.

Советник Линь тем временем с превеликим тщанием разглядывал трещины под ногами, делая вид, будто в узорах растрескавшегося цемента сокрыто тайное расположение звёзд.

— Даос Цзинь, — внезапно нарушил тишину Цзян Умянь. От неожиданности тот вздрогнул и выпрямился как струна.

— Я здесь, господин судья! — выпалил он на чистом рефлексе. — Каково ваше решение?

В комнате повисла неловкая пауза. Тон даоса был настолько заискивающим, что в сознании Цзян Умяня величественный образ мудрого отшельника мгновенно рассыпался мелким стеклянным крошевом.

Справившись с секундным замешательством, которого Цзинь Бухуань даже не заметил, Цзян Умянь спокойно произнёс:

—... Обжиг выполнен безупречно.

Даос как раз судорожно перебирал в уме свои прегрешения: то ли утаил часть сырья для собственных нужд, то ли завысил смету расходов, то ли его поймали на святотатстве — вчера во время обеда он умудрился капнуть жиром на важный чертёж.

Услышав похвалу, он опешил: то ли господин судья издевается, то ли и вовсе лишился рассудка от досады?

— Да-да... сойдёт, вполне сойдёт, — угодливо закивал даос, всё ещё не понимая, куда клонит собеседник.

«Безупречно? Эта дрянь растрескалась в решето, а он говорит — безупречно?! Чего же тогда

добивается наш уездный судья?»

Цзинь Бухуань украдкой покосился на глубокие расщелины в цементном тесте. Трудно было представить, как эта субстанция, высыхающая и трескающаяся от первого же порыва ветра или луча солнца, сможет заменить известковый раствор при облицовке крепостных стен.

По такой дороге и ходить-то боязно — ноги переломаешь. А если покрыть этим стены, они сложатся быстрее карточного домика!

Чему тут радоваться?

Цзян Умянь тем временем очертил на земле квадрат. Дружно взявшись за лопаты, они вырыли небольшое углубление под фундамент. Сначала засыпали слой щебня и песка, затем тщательно смешали цемент, речной песок и гравий в нужной пропорции, залили водой и аккуратно выровняли получившийся раствор.

— Теперь главное — не дать ему пересохнуть, — поднимаясь на ноги и отряхивая подол халата от пыли, наставительно произнёс Цзян Умянь. — Прикройте этот участок соломенными циновками и каждый день поливайте водой. В уезде Шаоюань солнце палит нещадно. Стоит установиться ясной погоде, как жара мгновенно выпаривает всю влагу. От этого цемент и идёт трещинами.

Даос погладил куцую бородку, заглянул в свои рабочие записи за последние дни и изумлённо охнул: его наконец осенило.

Он ведь упрямо шёл по ложному пути! Всё думал, что напортачил с обжигом сырья, а дело-то было в банальном уходе за готовым раствором!

Осознав, что его репутации мастера-обжигальщика ничто не угрожает, даос воспрянул духом. Сначала он рассыпался в витиеватых похвалах прозорливости судьи, а затем, улучив момент, тонко намекнул на причитающуюся ему долю.

В их договоре чёрным по белому значилось: чистая прибыль от каждой проданной бочки цемента за вычетом себестоимости делится поровну между судьёй и даосом. Точно по такой же схеме работала лавка, продававшая плуги для заливных полей, — там свою долю с каждого изделия исправно получали Цзян Умянь и советник Чжао Чэн.

Различалось лишь процентное соотношение.

Цзян Умянь отнёсся к меркантильности напарника совершенно спокойно:

— Как только добьёмся устойчивого качества, уездная управа выкупит первую крупную партию. Без монет не останешься.

Рецепт цемента следовало держать в строжайшей тайне. Именно поэтому в усадьбе до сих пор не завели помощников или юных послушников — уездный судья опасался, что случайный человек польстится на лёгкие деньги и выдаст секрет посторонним.

Присылать сюда охрану из стражников тоже было нельзя — это лишь привлекло бы ненужное внимание. В итоге присматривать за производством поручили советнику Линю. Шаочи, по крайней мере, умел за себя постоять, а случись непредвиденное — костей не соберёшь, зато всегда успеешь утащить перепуганного даоса на закорках.

— Договорились, — цокнул языком советник Линь. — Замесом удобрений пусть стражники занимаются, а я побуду при Цзинь Бухуане. Будем вместе варить снадобья... и цемент.

Затем Цзян Умянь, как истинный заказчик, выкатил новое требование:

— Когда разберёмся с цементом, займёмся красным кирпичом. Технология схожая, только из перечня сырья придётся убрать некоторые добавки. Даос Цзинь, вам вновь придётся поломать над этим голову. Оплату гарантирую — процент от продаж запишем в новый договор.

Наслушавшись заманчивых речей о золотых горах, Цзинь Бухуань преисполнился рвения и вихрем умчался обратно в лабораторию — корпеть над новыми формулами.

И дело было не только в обещаниях. Каждый месяц Цзян Умянь исправно выплачивал ему жалованье. Все расходы на обустройство подворья и закупку реактивов покрывались из уездной казны, а при нехватке средств судья без лишних слов доплачивал из собственного кармана. К тому же на подходе были проценты с продаж — ради такого щедрого покровителя стоило выложиться без остатка.

Возвращаясь к делам управы, Цзян Умянь сообщил советнику Линю:

— Производством удобрений теперь заведует Чэнь Пин. Приставлять к пяти му земли целый десяток человек — непозволительное расточительство. Начиная с этого дня, пусть все свободные люди учатся земледелию с самых азов, начиная с заготовки компоста.

Советник Линь редко бывал на пашнях и не совсем понимал, почему выбор судьи пал именно на Чэнь Пина. В его памяти тот остался нелюдимым деревенским мужиком, который от волнения и двух слов связать не мог.

Однако, выслушав доводы Цзян Умяня, советник пришёл к тем же выводам, что и Чжао Чэн.

Этот подход в корне отличался от привычной для Великой Чжоу системы назначения чиновников на местах. Скорее он напоминал столичные порядки: строгая аттестация, где главным критерием была пригодность к делу. Справился — руководишь, сплеховал — давай дорогу другим.

Но здесь всё было куда честнее и проще — без кумовства, взяток и столичного чиновничества.

— Господин судья, бог с ними, со главами налоговой и чиновничьей палат, — предложил советник Линь. — Нам бы для начала набрать расторопных малых на побегушках, чтобы разгрузить канцелярию. Искать людей нужно прямо в городе, из тех, у кого здесь есть свой угол.

При мысли о забитых до отказа жилых комнатах в усадьбе при управе у Линя начинала болеть голова. У их судьи до сих пор не было даже личного слуги — селить бедолагу было решительно негде, из-за чего покупку невольников постоянно откладывали.

Цзян Умяню личный слуга даром был не нужен. За те двадцать с лишним лет, что он прожил в этом мире, он так и не привык к постоянному присутствию посторонних. Подсознательное стремление держать дистанцию делало любое панибратство невыносимым.

Но советник Линь говорил дельные вещи. Если уж толковых начальников ведомств днём с огнём не сыскать, то набрать мелких исполнителей — задача вполне решаемая.

Особых талантов от них не требовалось: исполнительность, сообразительность, умение предугадывать желания начальства да хорошая обучаемость — вот и всё, что нужно для рассыльного. А если кто-то проявит себя с лучшей стороны, его со временем можно будет продвинуть и на должность повыше.

Немного подумав, Цзян Умянь кивнул:

— Пусть этим займётся Чжан Жун. Как только он окончательно оправится от хвори, поручим ему кадровые вопросы.

«Кадровые вопросы?»

Советник Линь мысленно примерил этот термин и пришёл к выводу, что суть он отражает безупречно.

Когда до Чжан Жуна дошли новые указания, он как раз давился горьким лекарством. Три дня кряду он мок под проливным дождём на пронизывающем ветру, став первой жертвой жестокой простуды в уездной управе. Во избежание заразы его заперли в уединённом флигеле на заднем дворе, строго-настрого запретив соваться в канцелярию.

— Набираем людей? Прямо в шесть палат, но без назначения начальников? — глухо пробормотал Чжан Жун из-под повязки из грубого полотна, которой закрывал лицо. В руке он сжимал опустевшую пиалу из-под снадобья.

То, что ключевые посты в ведомствах пустовали, пока не вызывало затруднений. Цзян Умянь

работал с поразительной скоростью, а четверо его советников хваткой и исполнительностью не уступали самым искушённым чиновникам. При таком тандеме острой нужды в формальных руководителях не возникало.

Но по мере того как уезд Шаоюань поднимался из руин, поток дел грозил превратиться в неуправляемую лавину. Тратить драгоценное время на рутину становилось непозволительной роскошью — вопрос о расширении штата встал ребром.

Цзян Умянь изложил советнику соображения Линя, щедро приправив их современными методами проведения письменных тестов и собеседований, памятными ему по прошлой жизни:

— Для начала составь план. Смету расходов и порядок отбора кандидатов предоставишь мне на утверждение.

Поскольку Линь Шаочи пока оставался за городом, наводить порядок в этом деле Чжан Жуну предстояло в одиночку.

Чжан Жун, немного подумав, воодушевился:

— Господин судья, а почему бы нам не зайти с другой стороны? Среди беженцев наверняка найдутся грамотные и толковые люди. Если мы предложим тем, кто поступит на службу в управу, право навсегда обосноваться в Шаоюане — с получением всех документов, — дело пойдёт куда быстрее! Да и для мастеров из строительных артелей условия должны быть не хуже. Будем справедливы ко всем!

Линь Шаочи переживал из-за тесноты в служебных покоях, но Чжан Жун смотрел на вещи шире. В городе хватало пустующих дворов — управа вполне могла взять их внаём и расселить новоприбывших. Главное — закрепить за уездом ценные кадры, а уж с жильём вопрос уладится.

К тому же в Шаоюань теперь тянулись не только обездоленные переселенцы. Сюда со всех концов провинции съезжались молодые учёные, ведомые любопытством: всем не терпелось взглянуть на загадочного уездного судью, ради которого сам Сын Неба издал высочайший указ.

Среди них были и те, кто едва сдал вступительный экзамен, и новоиспечённые кандидаты, получившие первую степень, и те, кто, собрав чад и домочадцев, искал лучшей доли... Кого здесь только не было!

Грех было не воспользоваться громким именем Цзян Умяня, чтобы прибрать к рукам способных людей.

Слушая эти излияния, Цзян Умянь поймал себя на стойком чувстве дежавю. Спустя мгновение

его осенило:

—... План привлечения талантов?

Всё же их с Линем представления о подборе кадров грешили узостью мысли. Стоило поучиться размаху у Чжан Жуна.

Заманить способных людей к себе, пообещать стабильный доход и казённое жильё — то есть избавить разом от половины жизненных невзгод. Против таких козырей ни один уезд не устоит!

Зачем они шли в Шаоюань? Что их так привлекало?

Достаточно вспомнить те два указа уездного судьи, которые Лу Юй зачитывал у городских ворот Пинцина: один — об аренде плугов для заливных полей, другой — о найме рабочей силы с чётким указанием оплаты.

Первое новшество позволяло беднякам, у которых не было денег на покупку дорогого инвентаря, брать плуги в аренду за сущие гроши, что гарантировало хорошие всходы. А пока у людей есть хлеб, в уезде Шаоюань будет царить мир и покой.

Второе же решение превращало праздные руки в ценнейший строительный ресурс, ускоряя возрождение уезда. Для простого люда это означало верный заработок и надежду на спасение от голодной смерти.

Когда стоишь на краю гибели, уезд Шаоюань кажется последней соломинкой. Всё равно помирать — так почему бы не попытать счастья на новом месте? А вдруг повезёт уцелеть?

Разумеется, подобные условия привлекали прежде всего тех, кто боролся за выживание.

Те же, кто не голодал и мог позволить себе думать о будущем, искали иного: достатка и возможности изменить свою судьбу через сдачу государственных экзаменов.

Проводить экзамены Цзян Умянь не имел права, но в его силах было предложить другое — вакансию младшего чиновника в управе. А для многих это предел мечтаний.

— «Привлечение талантов»? — переспросил Чжан Жун и усмехнулся: — Называйте как угодно, господин судья, но по мне — это самое настоящее переманивание умов!

Советник мгновенно смекнул: их уездный судья по-прежнему спит и видит, как бы утащить к себе чужих способных людей.

<http://bllate.org/book/19045/1960939>